

та немецкой военщины, ненавидящего большевиков и весь русский народ, но осуждал его главным образом по линии морально-этической. Тальберг в исполнении В. А. Вербицкого—это сухой, бездушный человек, трус и приспособленец, который, спасая свою шкуру, бежит с немцами, оставляет на произвол судьбы жену. Именно эту черту подчеркивал театр, именно в этом видел он ничтожество классового врага.

Не то во «Врагах». МХАТ дал классовый анализ сущности врагов и беспощадно осудил их не потому, что они «плохие люди», а потому, что они эксплуататоры, враги народа, люди, живущие за счет угнетения рабочего класса. И этим объясняются моральная деградация, ничтожество, трусость этих людей.

Николай Скроботов — не капиталист, у него нет фабрики, но он хочет стать капиталистом, зависит от капиталистов и служит им, как цепная собака. Именно это, прежде всего, подчеркивал Н. П. Хмелев в «товарище прокурора». Он ненавидит рабочих и боится их, — именно поэтому он зол, жесток, а вовсе не потому, что такими качествами наградила его природа. С первого до последнего акта Скроботов—следователь, шпион, палач, лишенный каких бы то ни было принципов морали, кроме морали палача.

Умирает от справедливой пули его брат, фабрикант Михаил Скроботов. Как реагирует на это прокурор? В убийстве брата он видит только одно — наступление рабочих на хозяев, и спрашивает у умирающего: «Ты видел, кто стрелял?», и еще раз: «Ты заметил, кто стрелял?». Хмелев в этой сцене с опромной реалистической силой обнажал классовую сущность Скроботова, его профессиональные качества, определяющие остальные черты его характера — жестокость, сухость, душевную атрофию.

Ярким достижением спектакля, проявлением высокой политической зрелости театра является созданный В. И. Качаловым образ Захара Бардина. На основе горьковского образа Качалов средствами сценического искусства анатомировал буржуазного либерала, разоблачил его «прекраснодушие», его призывы к добру и справедливости, обнажил его отвратительную капиталистическую сущность, прикрытую пышной фразой.

В. И. Ленин в статье «Памяти графа Гейдена» писал о «гуманном» либерале-помещике: «...Он сам не участвовал в порке и истязании крестьян с Луженовскими и Филоновыми. Он не ездил в карательные экспедиции вместе с Ренненкампами и Меллерами-Закомельскими. Он не расстреливал Москвы вместе с Дубасовым. Он был настолько гуманен, что воздерживался от подобных подвигов, предоставляя подобным героям всероссийской «конюшни» распоряжаться... Разве это не гуманно в самом деле: посылать Дубасовых «насчет Федора распорядиться» вместо того, чтобы быть на конюшне самому?».¹

Такого буржуазного либерала запечатлел Горький, таким его создал на сцене Качалов. Мягкие манеры интеллигентного, доброго и справедливого человека, какая-то неприспособленность к жизни, ласковое обращение со всеми, а за этим—хозяйское нутро, полная солидарность со своим компаньоном и прокурором. Вот это двоедушие, либеральную подлость сатирически глубоко и правдиво раскрывал артист в образе Бардина. В. И. Качалов писал: «Живые модели, старые знакомцы мои, очень помогли мне дорисовать и, может быть, несколько заострить эту роль, которую так замечательно написал автор. Мне кажется, что я «заострил» роль в том смысле, что отнесся к этому образу с большей, чем автор, беспощадностью».²

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XIII, стр. 41.

² В. И. Качалов. «Мои встречи с А. М. Горьким и героями его пьес». «Театр и драматургия», 1935, № 12, стр. 13.

Как же воплотилось на сцене это беспощадное отношение артиста к образу? Приведем свидетельство С. Н. Дурылина: «Сначала Бардин — Качалов почти пленяет своим, каким-то чеховским уютом: какая наследственная (сто лет культурной истории!) мягкость, какая культурная доброта, подслеповатая наивность, барская (вспомните Гаева!) беспомощность (не умеет хорошенько очки протереть, не способен удерживать кусок сыра на вилке!) — только в помощь нашему доверию: «добрые», от Обломова до Гаева, всегда нерешительны, слабы, наивны, неумелы; «злые» от Собакевича до какого угодно буржуазного Х., решительны, умы, опытные и т. д. и т. д. В самом голосе Бардина — Качалова есть какая-то липкая уверчивость

(пушкинское слово): скажет несколько слов — точно лавровишневых капель накапает вам в душу: хоть кого успокоит. Насилие над рабочими? Скверное ремесло капиталиста? Но, посмотрите, как в его руках дрожат часы, как растягивает он минуты, чтобы замедлить согласие на закрытие завода, смотрите, как протирает он упорно очки, чтобы увидеть «все высокое, все прекрасное», а не необходимость пустить рабочих по миру, посмотрите на все это, — ну, как же не поверить, что он в душе «ужасный либерал», что он добр, мягок, как сладкий сироп! Поверили. Совершенно поверили. И пожалели, как ему «трудно» с его «мирным обновлением» среди таких неумелых блюстителей жандармского закона, как прокурор, среди таких беспокойных элементов, как Синцовы и их компания. Поверили и пожалели, «вошли в его положение», и вдруг оказывается, что по паспорту «либеральнейшего помещика» проживает кто-то другой. Полслова; четверть жеста; брезгливые поддразнивания верхней губой; злая вспышка спички в левом зрачке; серая пыльца двухтрех слов, которой он осыпает милую и честную Надю; еще что-то, и вы без всякого удивления соглашаетесь с жандармским ротмистром Бобое-

МХАТ. «Враги». Полина — О. Л. Кныппер-Чехова, Печенегов — М. М. Тарханов, Захар Бардин — В. И. Качалов.